

В. Н. Мамяченков

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ДЕКАБРЯ 1947 г. В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

За упомянутой в названии денежной реформой в экономической истории нашей страны закрепилось название *конфискационной*. Сегодня, спустя 60 лет, исследователи реформы сходятся в том, что в результате ее проведения абсолютное большинство населения страны потеряло значительную часть своих денежных сбережений. Но бесспорно также и то, что после войны денежное обращение страны необходимо было приводить в порядок.

Напомним: суть реформы состояла в том, что производился обмен старых денежных знаков на новые в соотношении 10:1 *при неизменной масштабе цен*. Отсюда следует, что наличные деньги населения обесценивались ровно в 10 раз. Были лишь некоторые исключения: например, вклады в сберкассах в суммах до 3 тыс. рублей обменивались в соотношении 1:1 (таких вкладов было примерно 80 %), от 3 тыс. до 10 тыс. рублей — три старых рубля за два новых, а свыше 10 тыс. — два старых за один новый. Параллельно производилась конверсия всех государственных займов (кроме займа 1947 г.). Они объединялись в единый заем и обменивались в соотношении 3 рубля в облигациях прежних займов на 1 рубль нового единого займа с уменьшением выплачиваемого процента.

Все это напрямую затрагивало интересы всего населения, даже привилегированную его часть (например, известная советская разведчица, а впоследствии писательница З. И. Воскресенская вспоминала, что на декабрь 1947 г. ее личные сбережения, которые она хранила дома, составляли «что-то около 70 000 рублей». А через несколько дней «была объявлена денежная реформа и 70 тысяч превратились в 7 тысяч»¹. Наверное, поэтому в постановлении можно прочитать такие строки: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы...» и «...надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет *последняя жертва* (курсив наш. — В. М.)».

В итоге реформы платежеспособный спрос населения был ограничен в течение следующих нескольких лет. Правда, в литературе можно встре-

тить и положительные отзывы о реформе. Например, один из авторов пишет: «В 1947 году была проведена денежная реформа, суть которой заключалась в том, что деньги старого образца были изъяты, а пущены в оборот деньги нового образца... Реформа была проведена образцово. Случилось чудо. Сегодня в городе ничего нет, а завтра в магазинах всего полно»². А другой автор вспоминает, что в результате реформы «в московских магазинах появились забытые за войну продукты: сахар, масло, сыр, колбаса, даже икра и пирожные. В других городах, а тем более в деревнях продовольствия не хватало, но и там жизнь стала легче»³. С позиций нашего времени объяснение «чуду» было простое: покупательский спрос населения резко сократился. К тому же, как было сказано, показное изобилие наблюдалось только в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик.

Несомненно, И. Сталин желал удивить мир очередным достижением нашей страны — отменой карточного распределения продуктов питания уже через два с половиной года после войны. Это действительно было бы впечатляющим достижением, если бы только уровень жизни населения не был таким низким. К примеру, та же Франция отменила карточную систему в 1952 г., а Великобритания — только в июле 1954 г.⁴ Впрочем, абсолютное большинство населения искренне полагало, что эти страны по своему социально-экономическому развитию далеко отстают от СССР. Но все ли граждане огромной страны рассуждали подобным образом и вели себя в той ситуации законопослушно? Как мы теперь знаем, далеко не все.

Неудивительно, что о предстоящей реформе узнали сначала жители Москвы и Ленинграда. Уже за две недели до реформы, 30 ноября 1947 г., Министерство внутренних дел СССР доложило руководству страны о необычной ситуации в советской столице: «В последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшие дни будет произведен обмен существующих денег на новые денежные знаки из расчета 10—12 копеек за 1 рубль и что одновременно будут повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам. В связи с этим в Москве имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промтоварами. Особенно увеличился спрос на дорогостоящие товары в комиссионных магазинах... Так, комиссионный магазин № 134 Москуппромторга в обычное время продавал товаров на сумму 200—220 тысяч рублей в день, а 28 ноября в этом магазине продано товаров на 709,350 тысячи рублей»⁵.

Естественно, что население активно искало предмет вложений своих денежных средств — и находило его. Так, за 30 ноября в московских магазинах было скуплено водки на 3 млн рублей. Выручка же всех московских ресторанов, составлявшая обычно около 12,6 млн рублей в день,

30 ноября увеличилась в два с лишним раза. С наименьшей активностью, кстати, москвичи спасали и свои вклады в сберкассах. Ко многим из них выстроились очереди в несколько сот человек. И вместо обычных 5—7 млн рублей в день 28 ноября сберкасса Москвы выплатила вкладчикам 25 млн, а 30 ноября — почти 90 млн⁶.

И все эти трагикомические события происходили несмотря на то, что подготовка реформы проводилась в глубокой тайне. Только накануне ее проведения, 11 декабря 1947 г., в местные органы МВД были разосланы запечатанные сургучной печатью пакеты, которые надо было вскрыть 14 декабря в 15 часов в присутствии руководителей милиции, финансовых органов и сберкасс. В этих пакетах и содержались условия обмена денег. А 14 декабря утром на местах была получена телеграмма из Министерства финансов СССР, которая предписывала с 14 часов прекратить все операции с деньгами и закрыть сберкаассы. Лишь в полдень по Всесоюзному радио объявили об обмене денег, хотя детали обмена еще не сообщались.

А что в это время происходило в регионах? Здесь арсенал методов был тем же, что и по всей стране: заведующие сберкассами (нередко под давлением начальства) оформляли вклады как принятые до объявления реформы, торговые работники под видом выручки вносили свои личные деньги (что, правда с сегодняшней точки зрения вряд ли тянет на криминал), а руководители предприятий либо санкционировали принятие кассами предприятий денег старого образца для погашения несуществующих задолженностей или же в качестве уплаты за товарно-материальные ценности, либо придумывали другие хитроумные комбинации. Архивы сохранили нам имена таких руководителей различного ранга, не устоявших перед соблазном использовать, как мы говорим сейчас, свой административный ресурс.

Например, в Свердловской области директор фабрики № 3 треста «Союзасбест» (город Асбест) Щербаков уже 15 декабря внес в сберкассу 9 700 рублей, заявив при этом заведующему агентством сберкасс: «Всю ответственность бери на себя, а потом рассчитаемся». Впоследствии он так объяснил прокурору свои действия: «Я как директор запретил отделению сберкасс производить незаконные операции, а с другой стороны, как Щербаков, хотел сохранить деньги, лично принадлежащие мне»⁷. Директор Свердловского завода № 214 некто Суков внес в кассу завода 13 922 рубля и на эту сумму взял принадлежащие заводу костюм, обувь, стол, диван, пианино и автомобиль. При этом «демократично» разрешил и работникам завода внести деньги за находящиеся в их пользовании заводское имущество. Таким образом в кассу завода поступило 80 777 рублей⁸.

И подобные махинации совершили целый ряд партийно-хозяйственных руководителей в нашей области. Именно о них в инфор-

мационном сообщении Свердловского обкома ВКП(б) в ЦК партии с горечью говорилось: «Среди лиц, нарушивших постановление партии и правительства, имеются и коммунисты, которые свои личные интересы поставили выше интересов государства, которые с целью сохранения своих денег стали на путь преступления»⁹. При этом большую часть преступлений, судя по всему, совершили работники областного центра, что и неудивительно: они располагали более точной информацией и имели для этого больше возможностей.

Дело в том, что за 10 дней до начала реформы, т. е. уже 4 декабря, секретари горкомов и райкомов ВКП(б) всей страны получили совершенно секретное указание из вышестоящих инстанций. В нем сообщалось о предстоящем завозе новых денежных знаков, а также о том, что председатели исполкомов городских и районных Советов лично отвечают за подготовку пунктов обмена денег и сохранность денежной наличности. Такое сообщение за номером 1009 СС («Совершенно секретно») нам удалось обнаружить в одном из екатеринбургских архивов¹⁰. Получается, что партийные и советские руководители (до районных включительно) знали о предстоящем обмене как минимум за 10 дней до его начала.

В Свердловске среди преступивших закон оказались первый секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) Ковач, его заместитель (второй секретарь) Марков, заведующая отделом пропаганды и агитации того же райкома Дуванова, второй секретарь Чкаловского райкома ВКП(б) Новостроев. Не отстали от них и работники советских органов — председатель Свердловского горсовета Жихарев, председатели Кагановичского и Молотовского райисполкомов Зарицкий и Сурганов, секретарь Кагановичского райисполкома Кадилова.

Из хозяйственных руководителей областного центра поучаствовали в махинациях начальник свердловского вокзала Савостин, а также целая когорта финансистов: управляющий областной конторой Госбанка Копылов, заведующие Кагановичским и Молотовскими райфинотделами соответственно Зонов и Серкова, заведующий финансовым отделом Свердловской железной дороги Друзь.

Среди преступников оказались и руководящие, и рядовые работники городских правоохранительных структур: начальник городского отдела милиции Зиновьев, начальники Чкаловского и Сталинского райотделов милиции Гаитов и Плетнев, начальник паспортного стола Чкаловского района Терехина, следователь из того же райотдела Несмелов.

Немало довольно высокопоставленных нарушителей закона нашлось и в районах области. На путь незаконных махинаций встали работник Каменского райкома партии Крылов, секретарь партийной организации Сухоложского цементного завода Тараканов, его коллега по должности в Управлении военно-строительных работ № 285 из Ирбита Гудымов, за-

ведущий коммунальным отделом исполкома Сажинского районного совета Коротких, главный бухгалтер центральной сберкассы того же района Андрюков, прокурор Висимского района Фофанов, оба руководителя силовых структур (МВД и МГБ) Красноуральска Лыжин и Комлев, управляющий красноуральским отделением Госбанка Шабунин, директора трех асбестовских предприятий Леонтьев, Лисин и Щербаков, заведующая Верхнепышминской городской сберкассы Зыкова и другие начальники¹¹.

Таким образом, на 20 января 1948 г. в Свердловской области было выявлено различных незаконных небанковских операций, связанных с прошедшей реформой, на сумму 1,4 млн рублей, а незаконно открытых в сберкассах вкладов — на сумму 1 195 302 рубля¹². Естественно, принимались карательные меры: кого-то отдали под суд, кого-то уволили с работы и исключили из партии, а кто-то отделался выговором и «искренним раскаянием в содеянном». Только до февраля 1948 г. в нашей области по «реформенным» делам к уголовной ответственности было привлечено 105 человек, в том числе кандидатов и членов ВКП(б) — 25, из них: хозяйственных руководителей — 8, финансовых работников — 6, работников торговли — 5, партийных работников — 2, советских — 2, профсоюзных — 1, прокурорско-судебных — 1¹³.

¹ См.: *Шарапов Э.* Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 375.

² *Манойлин В.И.* Базирование военно-морского флота СССР. СПб., 2004. С. 67.

³ Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 134.

⁴ См. об этом: Полная хронология XX века. М., 1999. С. 327.

⁵ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.duel.ru/>

⁶ См.: Там же.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 240. Л. 12.

⁸ См.: Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ См.: Там же. Оп. 43. Д. 166. Л. 110.

¹¹ См.: Там же. Оп. 44. Д. 240. Л. 12—16, 18, 66—69, 76.

¹² См.: Там же. Л. 12.

¹³ См.: Там же. Л. 15.